

„Gaudemus“ Л. Андреева.

У меня есть знакомый мальчикъ лѣтъ 4—5. Онъ какъ-то увидѣлъ фотографію, на которой его дядя былъ снятъ въ то время, когда былъ ребенкомъ.

— Значить, онъ былъ маленькій?

— Былъ.

— Значить, я буду старый?

— Будешь.

Вдругъ мальчикъ началъ судорожно рыдать:

— Не хочу быть старымъ, хочу быть новымъ!

Большинство людей, обыкновенно, начинаютъ плакать гораздо позже, чѣмъ этотъ ребенокъ. Большинству въ молодости всегда кажется, что они всегда будутъ «новыми». Кажется это и тогда, когда они давно уже перестали быть новыми.

Герою пьесы Л. Андреева 47 лѣтъ. Онъ 20 лѣтъ прожилъ въ Сибири. У него бѣлая голова, а ему кажется, что онъ новый, и, приѣхавъ въ Москву, онъ поступаетъ въ университетъ, утвердившись, что у него молодая душа, и потому какъ разъ адсь, среди молодежи, его настоящее мѣсто.

— Не хочу быть старымъ, хочу быть новымъ.

Но каждый день, каждый шагъ даютъ поводъ для того, чтобы указать на разницу между юностью и тѣмъ возрастомъ, когда человѣкъ еще бунтуетъ, еще тянется, даже больше, чѣмъ когда-нибудь, къ молодости. А молодость не хочетъ подходить, — живетъ своимъ радостями, всеми молодыми силами, даже всей молодой глупостью, которая, однако, выходитъ какъ-то и умнѣе, и справедливѣе пожилого благоразумія.

Это — трагедія, и трагедія всеобщая. Всѣмъ безъ исключенія уготована она въ извѣстномъ возрастѣ, и это сюжетъ для пьесы интересный. Мотивъ этотъ разрабатывали и Мопсанъ въ «Fort comme la mort», и Апунтишъ въ «Дневникъ Павлика Дольскаго».

Къ сожалѣнію, Андреевъ столкнулъ съ молодежью не просто старика, но старика довольно несуразнаго, слишкомъ ужъ и щепетильнаго, и паникаго, и старомоднаго. Правда, его извиняютъ десятки лѣтъ, проведенныя въ Сибири, — можетъ, послѣ нихъ и не такимъ еще чудаконъ явившись, — но, вѣдь, интересно не то, что съ молодежью не спянешь одинокаго въ глуши человѣка, а то, что не спянешь съ нею, вообще, пожилого человѣка.

Чужацествомъ своего героя авторъ значительно ослабилъ психологическое содержаніе «Gaudemus». И слишкомъ, пожалуй, стеснилъ онъ въ концѣ пьесы краски: драма начинающагося старчества менѣе криклива. Она безъ рыданій, а лишь съ тихими, никому невидимыми слезами, падающими на дно души.

А потому получается мелодрама.

Исполнителю роли стараго студента, г. Перонову, было трудно играть. Тутъ пужно было что-то сдѣлать за автора, какъ-то исправить его погрѣшности, а онъ этого не сдѣлалъ. Игралъ онъ интересно, очень правдиво, и все-таки какая-то фальшь звучала. А въ послѣднемъ актѣ и въ особенности въ самомъ финалѣ не ушелъ отъ мелодрамы. Да и куда тутъ уйдешь!

Г. Максимовъ, изображавшій студента-тепору, такъ тотъ, какъ началъ мелодраматическій съ самыхъ первыхъ словъ пьесы, такъ мелодраматическій всю пьесу и велъ. Третій же актъ, гдѣ тепоръ съ горя напивается и начинаетъ губить свой голосъ, выпалъ у артиста слабо, совсѣмъ по-любительски. По пьесѣ это только истерическій припадокъ, а г. Максимовъ сдѣлалъ изъ этого трагедію, и $\frac{9}{10}$ его вины въ глазахъ большинства зрителей падаютъ на плечи автору.

Этакую драмичу развелъ на пустомъ мѣстѣ!

Къ тому же г. Максимовъ, ловидимому, такъ трезвъ, что хоть сколько-нибудь не умѣетъ притвориться пьянымъ человѣкомъ.

Очень хорошимъ былъ Онуфриемъ г. Грузинскій. Въ немъ была масса естественности, простоты и той цѣлности натуры, которая заставляетъ любить и уважать подобныхъ неутѣвыхъ парней.

Въ г-жѣ Вульфъ хотя и было довольно много отъ героинь старыхъ салонныхъ пьесъ, по все же роль Дины Стернъ она провела, что называется, съ блескомъ и была очень эффектна.

Совсѣмъ хороша молодостью, искренностью, задушевностью г-жа Делина въ роли Лили.

Остальные студенты не изъ важныхъ. Нѣкоторые только-только не портили.

Въ антрактахъ публика хлопала, вызывала артистовъ, кричала «автора», по гг. рецензенты и отдѣльные лица изъ публики ворчали.

Немало было въ ихъ ворчаньѣ справедливаго, по все же талантъ Л. Андреева свѣтитъ и въ этой пьесѣ. Не полнымъ огнемъ горитъ, — нѣтъ, по все-таки...

СЕРГѢЙ ЯБЛОНОВСКІЙ.